

**СПОРТИВНЫЕ МЕГАСОБЫТИЯ:
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**
SPORT MEGA-EVENTS: AN ECOLOGICAL CONTEXT

Полина Ермолаева

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ
К СПОРТИВНОМУ МЕГАСОБЫТИЮ
(на примере Универсиады 2013 в Казани)***

Основываясь на эмпирическом исследовании, автор демонстрирует основные социально-экологические барьеры, с которыми столкнулась Казань в процессе подготовки к Универсиаде 2013 г. Казань в качестве исследовательского кейса была выбрана как один из первых постсоветских городов — хозяев мегасобытия «Универсиада 2013», ставшего «репетицией» Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. В статье на конкретных примерах показано, что, несмотря на определенную уникальность социально-экономического и политического контекста Казани, основные экологические барьеры и их рационализация являются типичными для других постсоветских городов. Для тематизации социально-экологических барьеров городов — хозяев мегапроектов была применена методология П. Стерна. К основным экстернальным барьерам были отнесены слабое развитие «зеленой» инфраструктуры города, несовершенное экологическое сопровождение строительства объектов Универсиады, неэффективное экологическое законодательство в отношении нарушения государством социально-экологических норм строительства. Интернальные барьеры включают отсутствие временных и финансовых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проведения научных исследований («Социальные последствия подготовки и проведения международных спортивных мега-событий для локальных сообществ в городах постсоветской России (на примере Универсиады в Казани в 2013 г. и Олимпийских игр в Сочи в 2014 г.)»), проект № 13-03-00430.

Ермолаева Полина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, заведующая социологическим отделом Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, старший преподаватель кафедры социологии и научный сотрудник Центра культурных исследований постсоциализма Казанского (Приволжского) федерального университета (Polina.Ermolaeva@tatar.ru)

Polina Ermolaeva — Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Head of the Sociological Department, Center of Advanced Economic Research, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Senior Lecturer, Department of Sociology, Kazan (Volga region) Federal University (Polina.Ermolaeva@tatar.ru)

ресурсов, проэкологических установок и ориентаций, должного экологического знания населения, а также спектр ситуативных и иррациональных факторов, составляющих сложность для надежного социологического измерения. Автором показана взаимосвязь указанных барьеров в процессе социально-экологического обновления постсоветских городов — хозяев мегасобытий. К основным рекомендациям по соответствию Казани социально-экологическим стандартам городов — хозяев мегасобытий экспертами были отнесены: разработка научной программы по озеленению и повышению биоразнообразия города, создание «зеленой» инфраструктуры, разработка методов вовлечения населения в социально-экологическое обновление города, изменение структуры природоохранных служб в сторону снижения их зависимости от органов управления, увеличение экологических штрафов.

Ключевые слова: мегасобытия, городское развитие, социально-экологические барьеры, социально-экологический метаболизм, проэкологическое поведение, Универсиада, Казань, Россия

Polina Ermolaeva

**SOCIAL AND ENVIRONMENTAL BARRIERS
DURING PREPARATION OF THE POSTSOVIET RUSSIAN CITIES
TO THE SPORT MEGA-EVENTS
(The 2013 Universiade in Kazan)**

Drawing on the firsthand sociological data, the author analyses key social and environmental barriers that Kazan faces while preparing for 2013 Universiade in Kazan. Kazan as the research case was selected as a pioneer postsoviet city-host for sport mega-event '2013 Universiade', as a 'rehearsal' before Sochi 2014 Olympics. Based on certain examples the article shows that although Kazan has social, economic and political specificity, main environmental barriers and their conceptualization are typical for other postsoviet Russian cities. The author employed P. Stern's methodology for describing social and environmental barriers. The main external barriers for post-socialist Russian cities include poor development of the city 'green' infrastructure, inadequate environmental regulation of the Universiade' construction objects, inefficient environmental law in relation to governmental violations of the social and environmental norms of construction. The internal barriers are lack of financial and time resources of the population, environmental attitudes, knowledge; situational and irrational factors that particularly complicate a valid sociological measurement. The author shows the interlink among these barriers in the process of social and environmental regeneration of the postsoviet cities hosting mega-events. The main practical recommendations for Kazan to meet the international requirements of the cities hosting mega-events include the development of the research program for city's greening and increasing its

biodiversity, implementing 'green' infrastructure, development of methods for public engagement in the social and environmental regeneration of the city, structure change of the nature protection services to make them less dependent on governing bodies and the increase of the environmental fees.

Key words: *mega-events, urban development, social and environmental barriers, social and environmental metabolism, environmental behavior, Universiade, Kazan, Russia*

Немаловажной задачей подготовки постсоветских городов к мегасобытию является соответствие основных социально-экологических показателей стандартам городов — хозяев международных мегапроектов. Такие стандарты были приняты Международным олимпийским комитетом в рамках проведения зимних Олимпийских игр в Лиллехаммере (1994 г.), которые изменили акценты Игр с девиза «Спорт и культура» на «Спорт, культура и окружающая среда» (Chernushenko 1994: 282). Кейс Лиллехаммера уникален тем, что это были первые экологичные Игры, которые предложили официальную программу по охране окружающей среды и серию компенсирующих экоммероприятий в местах размещения спортивных объектов. К примеру, были использованы технология контроля и утилизации отходов, технологии биологического разложения отходов, экологические требования для поставки товаров и вовлечения населения в процесс принятия экологических решений (Furter 2002).

В 1994 г. Международный олимпийский комитет, наряду со спортом и культурой, включил в олимпийскую хартию охрану окружающей среды в качестве третьего важнейшего измерения Олимпийских игр. В этом же году была создана Комиссия по спорту и окружающей среде. В 1999 г. Комитет утвердил документ «Повестка олимпийского движения на 21 век» («Agenda 21»), в котором была предложена политика для обеспечения устойчивого развития городов, принимающих мегасобытия: экономическая, социокультурная и экологическая устойчивость. В повестку были внесены конкретные рекомендации по улучшению окружающей среды, например, использование возобновляемых источников энергии, сокращение выбросов в атмосферу, почву и водные объекты, необходимость проведения экологической экспертизы до и после проведения Игр, формирование «зеленой» инфраструктуры и другие мероприятия (Collins, Jones, Munday 2009).

Пионером в области проведения «Зеленой Олимпиады» («Green Olympics») — с применением современных «зеленых» стандартов и постановкой экологичности Игр на повестку дня — стал в 2000 г. Сидней. Большое внимание уделялось маркетингу «зеленых» стратегий. К примеру, широко позиционировались последние инновации в области применения «зеленых» технологий, возобновляемых источников энергии и экологичного транспорта. В 2001 г. в рамках проведения Всемирного дня Земли ООН наградила Сидней международной премией за выдающиеся достижения в области охраны окружающей среды (Furter 2002).

Несмотря на это, в академической среде можно наблюдать дискурс оптимистов и пессимистов в отношении Олимпийских игр в Сиднее. Риторика основа-

на на тех «зеленых обещаниях» («green promises»), с которыми Сидней выступил в 1993 г. в роли города-кандидата на принятие Игр в 2000 г. К ним относился контроль над загрязнением почв, рациональное использование ресурсов, защита биологического и культурного разнообразия, контроль и утилизация отходов, экономия энергии, в том числе применение возобновляемых источников энергии. Если бы данные мероприятия не выполнялись, то сами бы игры признавались «зеленой отмывкой» («greenwashing») — термин, которые используют инвайтронменталисты для того, чтобы показать разрыв между декларируемыми экологическими мероприятиями и соблюдением их на практике (Lenskyj 1998).

Именно такой позиции придерживалась Хелен Ленски, которая в своей книге «Зеленые игры или пустые обещания?» критикует стандарты «зеленых» Игр Сиднея, аргументируя это тем, что ради победы за право принимать Олимпиаду Сидней предпринял стратегию «зеленой отмывки» и широкого псевдоэкомаркетинга (Lenskyj 1998: 341). Это связано с тем, что в заявке Сиднея замалчивались проблемы того места, где планировалось расположить спортивные объекты, — загрязнение токсичными отходами и повышенный уровень содержания диоксида. Правительство штата инвестировало 21 млн. долларов для того, чтобы очистить токсичные отложения в районе олимпийской деревни, в том числе для удовлетворения требований девелоперов, которые были готовы вкладывать инвестиции в застройку элитной недвижимости в этом районе. Процесс восстановления и очистки загрязненной территории Шерон Бедер охарактеризовала как «дешевый, неудачный и быстрый вариант», а не как «лучшие экопрактики» (Cashman, Hughes 1997: 119).

Уместно провести сравнение программ городов — кандидатов на принятие Олимпиады с предвыборными программами: и те и другие содержат общую информацию, подчеркивающую привлекательность кандидата и замалчивающую его недостатки. С избранием кандидата начинается самая тяжелая часть — реализация заявленных обещаний с учетом недооцененных проблем и новых вызовов. В этой связи канадский ученый Дэвид Чернушенко (Chernushenko 1994) расценивал пример Олимпиады в Лиллехаммере в качестве более удачного, т. к. основные экологические проблемы и успехи игр открыто обсуждались в СМИ и с широкой общественностью. Справедливо ли ждать, что население станет более экологически дружелюбным, если оно не может доверять государству в вопросах обеспечения экологической безопасности? Ричард Палфрейман отмечает, что сами организаторы Игр в Сиднее не использовали понятие «зеленые» игры, а скорее рассуждали в понятиях «Игры спортсменов» ('Athletes Games') или «Игры тысячелетия» ('Millennium Games'), объясняя это тем, что организаторы Игр намеренно хотели отойти от этого названия, т. к. экологические стандарты были заданы слишком высоко для их успешного выполнения. Понятие «зеленые» Игры — конструкт, который придумали СМИ (Cashman, Hughes 1997: 119).

Кроме явных критиков Игр, были сторонники, которые их открыто поддерживают, аргументируя это выполнением Олимпийским комитетом практически всех взятых на себя экологических обещаний, а также повышением общего уровня экологичности австралийских корпораций.

В данной полемике, с нашей точки зрения, важным является не столько критика или похвала «зеленых игр» в Сиднее сама по себе (которая неизбежна при проведении любых Игр), сколько то экологическое наследие, которое оставили австралийские Игры после себя. Оно заключается в конструировании новых мировых «зеленых» стандартов в области проведения спортивных мегасобытий, институций и практик (например, зеленой городской инфраструктуры и технологий), выведение экологичности спорта на новый уровень общественных обсуждений, повышение экологической информированности и экологической (гражданской) активности населения. Олимпиада в Сиднее — хороший пример, демонстрирующий другим странам — хозяевам мегасобытий то, какие санкции наступают при невыполнении «зеленых» обещаний.

Олимпиада в Солт Лейк Сити (2002) вошла в историю как Игры с минимальным воздействием на изменение климата. Зимние Игры в Ванкувере (2010 г.) и летние Игры в Лондоне (2012 г.) трансформировали экологичность в устойчивость и прошли под девизом «Спорт, культура и устойчивое развитие». Слоганами стратегии устойчивого развития Лондона-2012 выбраны фразы: «Самые “зеленые” Игры современности» и «Первые устойчивые Игры». Основными достижениями лондонских Игр являются низкие выбросы углерода, уменьшение отходов и мусора, внедрение «зеленого» транспорта, инновационные системы очистки воды и вторичное использование материалов.

Международное олимпийское наследие заставляет переосмыслить те «зеленые» институции и практики, которые уже сформированы и успешно ретранслируются основными агентами на постсоветском пространстве, и те, которые пока еще находятся в зачаточном состоянии. Последние неизбежно вызывают вопрос не столько о том, каких практик не хватает, сколько о том, *почему* их не хватает.

Руководствуясь данными исследовательскими вопросами, мы поставили цель изучить готовность социально-экологической инфраструктуры или шире — экосистемы Казани к приему Универсиады 2013 г., а также те барьеры, которые препятствуют социально-экологическому обновлению города.

Казань в качестве исследовательского кейса была нами выбрана как один из первых постсоветских городов — хозяев мегасобытия «Универсиада 2013», ставшего «репетицией» Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. В статье мы попытаемся показать на конкретных примерах, что при определенной уникальности социально-экономического и политического контекста Казани все же основные экологические барьеры и их рационализация является типичной для других постсоветских городов.

Для тематизации социально-экологических барьеров городов — хозяев мегапроектов мы воспользовались методологией П. Стерна (Stern 2000). Именно П. Стерн был первый, кто предложил многофакторную модель к объяснению барьеров экологического поведения, согласно которой намерение личности быть включенным в экологически ответственное поведение опосредовано влиянием множества самых разнообразных факторов (среда, индивидуальные установки, ситуативные факторы, инфраструктурные решения и т. д.). Каждый из них может стать ведущим фактором в зависимости от конкретной ситуации.

До него все другие теории рассматривали какой-либо один фактор (сознание / поведение) в качестве «несущего». Таким образом, благодаря синтетической модели, П. Стерну удалось удачно решить существующий в настоящее время конфликт между учеными о характере и направленности связей между экологическим сознанием и экологической деятельностью, подробно описанный в теориях самовосприятия (self-perception theory) и запланированного действия (theory of planned behavior) (Ермолаева 2008).

Стерн выделяет четыре вида барьеров: 1) интернальные факторы, относящиеся к области экологического сознания: убеждения, ценности, нормы и т. д.; 2) экстернальные (контекстуальные) факторы, включающие институциональные нормы, правительственные регуляции и т. д.; 3) индивидуальные возможности, включающие знания и навыки, необходимые для совершения определенных действий (например, навыки организационного лидера и т. д.), 4) привычка / рутина. Несмотря на то, что последние два фактора Стерн выделяет в качестве самостоятельных, концептуально он рассматривает их внутри интернальных барьеров, которые формируются на микроуровне в процессе социализации социального актора.

Данная модель, адаптированная к предмету нашего исследования, позволит нам проанализировать основные социально-экологические барьеры хозяев мегасобытий на разных уровнях социальной реальности: макро- и микроуровнях. Так, интернальные факторы захватывают личностные и межличностные уровни анализа. Поведение, подверженное влиянию данных факторов, может совершаться под влиянием разных причин. Например, под влиянием привычки (привычка выключать свет, покупать бутилированную воду и т. д.). При этом экстернальные факторы — это прежде всего институциональные факторы, не зависящие от индивидуальных предпочтений, установок и убеждений (к примеру, определенный уровень развития экологической инфраструктуры, «зеленых» технологий, действующее экологическое законодательство и т. д.). Чем сильнее влияние экстернальных факторов на экологическое поведение, тем слабее влияние интернальных, и наоборот. Исследования демонстрируют, что поведение, требующее времени, усилий или финансовых затрат, снижает влияние личностных факторов (например, социально-экологических убеждений и установок). На электоральное поведение высокое влияние оказывают интернальные факторы, в то время как, например, организация экологического протеста требует затрат ресурсов и во многом зависит от внешних факторов.

Методология исследования

В рамках исследования с применением комплексных социологических методик, мы попытались выяснить отношение горожан к социально-экологическим трансформациям городского пространства городов — хозяев мегасобытий на примере подготовки Казани к Универсиаде 2013, а также к наличию экстернальных и интернальных социально-экологических барьеров, препятствующих успешному проведению мегасобытий. Наконец, в качестве самостоятельной, но органично встраивающийся в общую логику исследования задачи мы выде-

лили выработку рекомендаций в области преодоления обозначенных барьеров и экологического оздоровления города.

Очерченные задачи были исследованы нами на различных уровнях социальной реальности: в массовом сознании через проведение массового репрезентативного опроса казанцев по многоступенчатой комбинированной случайной выборке ($n=500$); в сознании экспертов через проведение полуструктурированных экспертных интервью с профессорско-преподавательским составом учебных заведений, научными сотрудниками исследовательских центров и градостроительных организаций, лидерами экологических и молодежных организаций Казани (выборка теоретическая, сбор эмпирического материала проводился до тех пор, пока не произошло теоретическое насыщение основных категорий исследования) и в пространстве масс-медиа через проведение контент-анализа российской прессы федерального, регионального и локального уровней с апреля 2008 г. по май 2013 г. В выборку попали такие издания, как «Вечерняя Казань», «Республика Татарстан», «Бизнес-онлайн», «Комсомольская Правда РТ», «Комсомольская Правда РФ», «Российская газета». Исследование проводилось в апреле-мае 2013 г. Ошибка выборки для массового опроса составила не более 5 %. Эксперты были отобраны нами исходя из широкой информированности по предмету исследования, наличия собственных оригинальных идей и концепций, умения занять четкую исследовательскую позицию.

Предложенная методика «триангуляции» позволила сопоставить разные уровни социальной реальности для формирования комплексного подхода к изучению проблемы, повышению валидности и внутренней надежности результатов исследования.

Результаты

Вначале нам было важно услышать рефлекссию населения по поводу изменений, которые они наблюдали в отношении экологической ситуации в месте своего проживания в связи с подготовкой Казани к Универсиаде.

Большинство казанцев никак не ощутили на себе изменений экологической ситуации (43,2 %), суммарно 31,8 % отметили, что окружающая среда «скорее улучшилась, чем ухудшилась», в то время как 25 % отметили, что «скорее ухудшилась, чем улучшилась». Причем ухудшение состояния окружающей среды в связи с подготовкой города к Универсиаде отметило больше горожан, проживающих около объектов Универсиады (28,4 %), чем живущих в удалении от строящихся объектов (21,6 %).

В большинстве случаев улучшение окружающей среды казанцы связывают с рядом экологических инициатив, которые были реализованы в городе в преддверии Универсиады, а также с проведением года экологической культуры в России. В качестве таких мероприятий в медиадискурсе были отмечены такие, как разработка экологической политики и рост озабоченности властей и граждан экологизацией городской среды. В СМИ также можно встретить сообщения, касающиеся реализации проекта «Казань — наш зеленый город», разработки экополитики городскими властями, возможного перевода автопарка

города на экологические стандарты «Евро-4», проведения субботников в рамках проекта «Зеленый рекорд», организации конкурса экологических стартапов в рамках проведения Универсиады (например, экологически чистый гибридный двигатель) и других экомероприятий.

Эксперты и население в качестве ключевого экологического мероприятия по облагораживанию города назвали программу «Зеленый десант» — серию акций, направленных на посадку деревьев, организацию субботников и общее облагораживание облика города: *«Были мероприятия общественные по посадке насаждений, по уборке мусора в городе и так далее, когда жители, молодежь на это мобилизовались»* (эксперт 1). Вместе с тем экологами была высказана критика подобных инициатив — они отметили отсутствие поддерживающих мероприятий: *«После того, как они отчитались, что что-то там посадили, — они забывают это поливать, потому что поливка теперь тоже стоит денег»* (эксперт 3) и научных подходов при озеленении: *«У нас предприняты определенные шаги по озеленению города, использование крупноразмерных деревьев... Но чтобы отойти от традиционной концепции озеленения и сделать это на научной основе — этого не сделано»* (эксперт 1). В большинстве случаев такое озеленение ведет лишь к внешнему облагораживанию города и не решает проблемы восстановления экосреды, поскольку нет юридического закрепления основных мероприятий и нет понимания их важности со стороны ресурсных групп: *«Никаких критериев на компенсационные мероприятия здесь нет, просто нет. Не только потому, что они юридически не закреплены, а потому, что закреплять нечего. Со стороны общества и государства нет заказа науки на выработку этих предложений, этих критериев, этих концепций. Вот в чем проблема, она более глубоко сидит, а не сверху»* (эксперт 3).

Диаметрально противоположная тенденция — обеспокоенность казанцев недостатком парков и зеленых зон в городе, готовность сортировать мусор и вести проэкологический образ жизни. Однако этим устремлениям препятствуют различные барьеры, как интернальные, так и экстернальные. Исследование показало, что основным экстернальным барьером для Казани выступает отсутствие должной «зеленой» инфраструктуры. К ней относятся, например, наличие велосипедных дорожек, повсеместное оснащение городских пространств контейнерами для сортировки отходов, оборудование мест экологического туризма и др.

Та экологическая инфраструктура, которая в постиндустриальных городах, принимающих мегасобытия, воспринимается как должная и существующая десятилетиями, с трудом формируется в физических и ментальных пространствах постсоветских городов. Это связано с тем, что постсоветские мегаполисы начали вводить лучшие западные экопрактики относительно недавно. К примеру, власти Москвы, Санкт-Петербурга, Казани начали строительство велосипедных дорожек в парках и вдоль основных магистралей; в Казани была инициирована пилотная программа по сортировке бытовых отходов; в Сочи была утверждена программа по развитию экологического туризма. Вместе с тем основная проблема, которая сопровождает быструю экологическую трансформацию городского пространства всех постсоветских городов, включая Казань,

связана с медленным изменением сознания и повседневных практик россиян, а также «догоняющим» освоением населением новых экологических знаний и навыков.

Практически все целевые группы исследования в той или иной мере отметили нарушения экологических норм при застройке объектов и отсутствие должного экологического сопровождения объектов Универсиады с учетом вмешательства в сложившуюся экосистему местности. Это в первую очередь кейсы строительства на правом берегу р. Казанки объектов Универсиады — футбольного стадиона, а также приостановление работ по очистке озера Средний Кабан, вырубка деревьев в Приволжском районе и т. д.

Основными интернальными барьерами как для казанцев, так и для россиян в целом выступает доминирование материальных ценностей над постматериальными. Социологи фиксируют зависимость рассмотрения постматериальных взглядов от уровня экономического благосостояния. Авторские и вторичные исследования (Белоногов, Байбаков и др. 2005; Ермолаева 2012) показывают, что проблемы, которые волнуют россиян (в том числе казанцев) сегодня, связаны с удовлетворением базовых общественных потребностей в безопасности и в экономическом благополучии, что, в конечном итоге, вытесняет экологические проблемы на периферию общественных беспокойств: *«Люди у нас слишком озабочены своими насущными проблемами материального характера. Пенсии там, да, стипендии. Потому что, когда человек свободен вот от каких-то таких насущных потребностей, он знает — он этим обеспечен, если ему не надо задумываться о том, что купить, и где взять деньги на завтра и так далее, он может себе позволить задумываться о каких-то более серьезных вещах»* (эксперт 5).

Вместе с тем уникальный локальный политико-экономический ландшафт Казани выступает своего рода инкубатором для более динамичного по сравнению с другими российскими регионами формирования постматериальных ценностей казанцев, к которым в том числе относится благоприятная окружающая среда. Так, по уровню жизни, наличию крупных инфраструктурных и культурных проектов, развитию информационных технологий и инновационной инфраструктуры Казань опережает многие постсоветские города. В рейтинге привлекательности городов Казань в 2012 г. заняла шестое место среди 164 российских городов по таким показателям, как демографические характеристики населения, социальные параметры общества, благосостояние граждан, социальная инфраструктура, экономика города, развитие жилищного сектора, доступность жилья, инновационная активность, транспортная инфраструктура, инженерная инфраструктура, кадровый потенциал, природно-экологическая ситуация (Минрегион представил ТОП-50 самых привлекательных городов России...). Индекс социального самочувствия как наиболее комплексная оценка различных аспектов жизни общества у казанцев на март 2013 г. выше (102,8 пункта), чем у россиян (91,1 пункта) (Ермолаева, Носкова 2013). Опросы показывают, что в иерархии проблем, волнующих население более всего, 24,1 % казанцев выбрали ценность здоровой окружающей среды по сравнению с 17 % россиян.

Вместе с тем экологические ценности являются для казанцев (как и для всех россиян в целом) всего лишь «фасадными», декларируемыми, но слабо освоенными в повседневных практиках; стремление изменить экологическую ситуацию к лучшему не входит в круг «ближних», повседневных установок и ценностных ориентаций, определяющих модели поведения населения. Это подтверждают данные нашего опроса (которые сопоставимы с данными общероссийских исследований), 68,8 % населения отметили, что их беспокоит данная проблема, но принимали участие в экологических мероприятиях в два раза меньше заявленного населения (30 %), готовы отстаивать свои права на здоровую окружающую среду 42 %.

Несмотря на это, данный разрыв между установками-практиками можно охарактеризовать как «норму»: *«Если мы посмотрим на историю, то всегда существовал разрыв между ценностями и поведением... всегда было так. И это абсолютно нормально, мы никогда не будем руководствоваться на 100 % нашими ценностями... потому что есть много этому причин»* (эксперт 4). Кроме того, ретроспективный анализ все же свидетельствует о тенденции к рутинизации экологических практик казанцами. Так, данные исследований показывают, что при устойчивом сохранении высокого уровня экологического беспокойства со временем наблюдается тенденция возрастания доли казанцев, принимающих участие в экологических мероприятиях: в 2005 г. их доля составила — 18,6 %, в 2012 г. — 25,9 %, 2013 г. — 30 % (Белоногов, Байбаков и др. 2005; Ермолаева 2012).

В целом данный тренд можно наблюдать среди россиян в целом, что может быть связано с повышением роли постматериальных ценностей, процессами глобализации и повышения мобильности населения, большей доступностью экологической инфраструктуры, повышением ценности здоровья как символического капитала для населения (Tones, Tilford 2001: 310).

Другим важным интернальным барьером для городов постсоветского пространства является перенос личной ответственности за охрану окружающей среды на государство и бизнес-структуры.

В рамках опроса мы спросили у жителей о том, кто на их взгляд, наиболее эффективен в решении экологических проблем города. Казанцы уверены, что городские власти являются наиболее эффективными институтами в решении экологических проблем (48,9 %). Далее и с большим отрывом население отметило экологические движения (22,9 %), население (21,9 %), бизнес-структуры (10,3 %). Данные показывают, что в решении экологических проблем большинство населения рассчитывает на государство. Полученные данные коррелируют с данными имеющихся исследований, в данном случае кейс Казани не является уникальным для России в целом (Яницкий 2006). Это может быть связано с отчужденностью большинства населения России от процесса принятия решений, в том числе по социально-экологическим вопросам. Так, по данным Центра исследований гражданского общества ГУ-ВШЭ, только 2 % населения уверены, что могут влиять на ситуацию в стране (Центр исследований гражданского общества и НКО ГУ-ВШЭ 2010). Если ответственность за семью в полной мере готовы нести 68 % граждан, то за ситуацию в городе считают себя ответственными только 7 %, в стране в целом — 5 %.

По результатам исследования и на основе предложений разных стейкхолдеров были выделены следующие мероприятия, которые необходимо провести в городе, чтобы он соответствовал социально-экологическим стандартам городов — хозяев международных мегасобытий:

1) Необходимо сформировать (научную) программу по озеленению и повышению биоразнообразия города. Существующая программа по озеленению города «Зеленый рекорд» позволила визуально облагородить Казань, однако систематичные поддерживающие мероприятия не проводятся и программа не выведена на научный уровень (для сравнения, в Берлине каждое дерево имеет паспорт и инвентаризационный номер). По мнению экспертов, *«надо выполнить инвентаризацию и разработать программу по замене поврежденных насаждений, которые невозможно вылечить, по сохранению среды обитания интересных для города животных (белки, зайцы, горностаи, птицы певчие)»* (эксперт 4).

2) Экологические ценности и установки формируются под воздействием внешних факторов, которые, в конечном итоге, определяют поведенческие установки личности. К одному из таких факторов можно отнести *наличие необходимой поддерживающей «зеленой» инфраструктуры*. Поэтому важно создавать необходимые объекты инфраструктурного развития. Для г. Казани с низким процентом озеленения приоритетным будет создание новых парков, набережных, зеленых уголков. Для частичного решения транспортных проблем и уменьшения содержания углекислого газа в атмосфере можно организовать городские велосипедные дорожки, экологические велотропы. Для уменьшения замусоренности города приоритетным будет увеличить количество мусорных урн на улицах, строить оборудованные площадки для складирования мусора. Эксперты подчеркнули, что разделение мусора также важно с точки зрения санитарных норм — это позволит исключить доступ животных к пищевым отходам.

В Казани была разработана программа по раздельному сбору отходов. В городе были поставлены 47 контейнеров, предназначенных для сортировки стекла, пластмассы и бумаги. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, не было проведено широкой информационной кампании по обучению населения сортировать отходы, а с другой, не были созданы дополнительные «стимулы» для населения к принятию нового экологического поведения. С точки зрения подхода коллективной рациональности, до тех пор, пока проэкологическое поведение будет включать затраты ресурсов, субъекту будет рационально не придерживаться такого рода поведения (Bratt 1999). К примеру, во многих европейских странах население мотивируют экономическими факторами — несортированный мусор вывозят за плату, в то время как сортированный мусор вывозят бесплатно.

Кроме того, многие эксперты выражали обеспокоенность в отношении того, каким образом будут перерабатываться отсортированные отходы: *«Нам говорят, что все отходы будут отправляться на мусороперерабатывающий завод, что в поселке Левченко, в чем я глубоко сомневаюсь...»* (эксперт 1).

3) Нужно разработать методы вовлечения населения, общественного участия в процессе обустройства и восстановления городского и экологического пространства. Одним из таких механизмов в республике являются сайты «Элек-

тронное Правительство» и «Народный контроль», с помощью которых население может оставить свое обращение в электронном виде и в срок 30 дней такое обращение должно быть рассмотрено. *«Это своеобразный народный контроль за работой министерства. Прямо на сайте минэкологии можно оставить сообщение, по какому адресу в городе скопился мусор, а при желании даже вывесить фотографию свалки. А дальше отслеживать, как ее ликвидируют»* (газета «Республика Татарстан», 2012 г.). Проблема заключается в том, что, по результатам опроса татарстанцев, только 15 % населения пользуется услугами электронных площадок. Традиционные формы общественного участия в республике в формате общественных слушаний проходят формально, как правило, после того, как уже решение было принято политическими элитами.

Необходимо изменить структуру природоохранных служб, сделать их менее зависимыми от органов управления республики Татарстан, от муниципальных органов управления. *«Это очень важно, потому что получается так, что если есть политическое решение, то контролирующие природоохранные органы уже совершенно бессильны что-либо сделать и просто пожимают плечами и начинают заниматься, так сказать, “очковтирательством”»* (эксперт 2). Создать при Аппарате президента, при муниципальных органах департаменты окружающей среды на уровне комитетов муниципальных органов. *«Ну, как, по примеру многих городов России, крупных городов, где есть департамент охраны окружающей среды, а у нас нет. У нас есть отдельные экологи, там, 2-3 человека работают, естественно, они все проблемы не решат»* (эксперт 2).

5) Важно увеличить экологические штрафы. К примеру, в США наблюдается ослабление административного регулирования охраны окружающей среды и усиление роли экономических рычагов управления. Это заключается в высоких платежах за использование природных ресурсов (налоги, коммунальные платежи, экологические штрафы и т. д.). Поэтому американцам становится «выгодно» вести экологический образ жизни. В России экономические механизмы экологического регулирования носят скорее формальный характер и пока не получили институционального закрепления: *«Они настолько смехотворны, настолько малы, что это сводит на нет даже работу вот этих служб контролирующих, которые существуют. Вообще сводят на нет. Ну, что такое, уничтожили озеро — 30 тысяч [штраф], предположим. Это совершенно не совместимые вещи»* (эксперт 2).

Выводы и обсуждения

Представленные данные позволяют сделать следующие выводы. Для постсоветских городов в настоящее время существует много социально-экологических сложностей при организации мегасобытий, связанных с инфраструктурными, ресурсными, институциональными и административными барьерами, которые приходится преодолевать для соответствия международным стандартам.

На примере кейса Универсиады 2013 в г. Казани нами были выделены взаимосвязанные экстернальные и интернальные социально-экологические барьеры, определяющие проблемное поле исследования (см. рис. 1).

Рис. 1. Модель социально-экологических барьеров постсоветских городов — хозяев мегасобытий

Экстернальные барьеры образованы неразвитостью «зеленой» инфраструктуры города, несовершенным экологическим сопровождением строительства объектов Универсиады, неэффективным экологическим законодательством в отношении нарушения государством социально-экологических норм строительства

Если переосмыслить существующие изменения в городе через концепт «социально-экологического метаболизма» (Billie, Fischer-Kowalski 2010), то можно заметить, что в Казани в настоящее время стремительными темпами происходит сужение природного пространства (парков, зеленых зон) и расширения урбанизированного пространства (появление новых торговых центров, парковочных стоянок), что вызывает острую обеспокоенность казанцев.

Вместе с тем озабоченность сужением жизненного социально-экологического пространства города слабо трансформируется в личные и коллективные проэкологические практики горожан. В данном случае происходит наложение интернальных барьеров: отсутствие временных и финансовых ресурсов, проэкологических установок и ориентаций, должного экологического знания, ситуативных и иррациональных факторов и т. д. для воспроизводства проэкологического поведения. Подобные интернальные барьеры пронизывают разные социальные уровни и предопределяют проэкологические установки и поведение разных акторов, в том числе тех, кто ответственен за принятие государственных решений.

Несмотря на обозначенный критический дискурс, нельзя не отметить, что мегасобытия для городов постсоветского пространства являются мощным катализатором социально-экологического обновления городов. Постсоветским городам — хозяевам мегасобытий приходится проходить инфраструктурные и социокультурные трансформации городской экосистемы экстерном, на что в западных сообществах уходило десятилетия. Скорость преобразований такова, что горожанам порой сложно вдумчиво осмыслить происходящее. Поэтому важным продолжением данного исследования нам видится (ре)интерпретация основными городскими стейкхолдерами социально-экологического обновления города и основных ограничений в постуниверсиададский период.

Литература

Белоногов В.А., Байбаков Э.И., Гузельбаева Г.Я., Егорова Л.Г., Ефлова М.Ю. Экологическое сознание городского населения // *Экология города Казани (коллективная монография)*. Казань: Фэн, 2005.

Ермолаева П.О. Основные подходы к изучению экологической деятельности // *Россия: общество, власть и государство (Вторые казанские социологические чтения): материалы Всерос. науч. конф. 2–23 мая 2008 г.: в 4 т.* Казань: Центр инновационных технологий, 2008. Т. 1. — 448 с.

Ермолаева П.О. Экологическая культура российского и американского студенчества // *Социологические исследования*, 2012, 12. [http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_12/Ermolaeva.pdf] (Дата обращения 29.10.2013).

Ермолаева П.О., Носкова Е.П. Татарстанцы оказались оптимистичнее других россиян. [<http://www.business-gazeta.ru/article/77485/>] (Дата обращения 29.10.2013).

Минрегион представил ТОП-50 самых привлекательных городов России. [<http://news.ykt.ru/article/10882>] (Дата обращения 29.10.2013).

Центр исследований гражданского общества и НКО ГУ-ВШЭ. [<http://grans.hse.ru/>] (Дата обращения 29.10.2013)

Яницкий О.Н. Производство социально-экологического знания. Статья 1. В поисках нормальной модели // *Общественные науки и современность*, 2006, 5, с. 130–140.

Billie L. T., Fischer-Kowalski M. Ester Boserup: An interdisciplinary visionary relevant for sustainability, Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2010, 107(51).

Bratt C. Additions to the lichen flora of San Clemente Island, California, Bulletin of the California Lichen Society, 1999, 6, pp. 19–21.

Cashman R., Hughes A. The Green Games: A Golden Opportunity. Sydney: Centre for Olympic Studies, University of New South Wales, 1997.

Chernushenko D. Greening Our Games: Running Sports Events and Facilities that Won't Cost the Earth. Ottawa: Centurion, 1994.

Collins A., Jones C., Munday M. Assessing the environmental impacts of mega sporting events: Two options?, Tourism Management, 2009, 30(6), pp. 828–837.

Furrer P. Sustainable Olympic Games. A dream or a reality?, Bollettino della Società Geografica Italiana, 2002, Serie XII, VII(4).

Lenskyj H. Sport and corporate environmentalism: the Case of the Sydney 2000 Olympics, International Review for the Sociology of Sport, 1998, 33(4), pp. 341-354.

Stern P.C. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior, Journal of Social Issues, 2000, 56(3), pp. 407–424.

Tones K., Tilford S. Health Promotion: Effectiveness, Efficiency and Equity. Cheltenham: Nelson Thornes, 2001.

Список экспертов

1. *Мухачев Сергей Германович*, кандидат технических наук, заместитель председателя республиканского совета Всероссийского общества охраны природы, руководитель татарстанского отделения Социально-экологического союза.

2. *Мингазова Нафиса Мансуровна*, доктор биологических наук, заведующая лабораторией оптимизации водных экосистем, профессор кафедры градостроительства КГАСУ.

3. *Яо Любовь Маркеловна*, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета.

4. *Валиуллин Дамир Фаратович*, начальник отдела экологического просвещения и взаимодействия с общественными организациями Министерства экологии и природных ресурсов РТ.

5. *Минакова Елена Анатольевна*, доцент кафедры биоэкологии Казанского (Приволжского) федерального университета, член регионального отделения РТ «Центр экологической политики и культуры».

6. *Рысаева Юлия Сергеевна*, исполняющий обязанности главного инженера проекта ГУП «Татинвестгражданпроект».

7. *Юранец Владислав Чеславович*, начальник управления информационно-аналитической деятельности Министерства экологии и природных ресурсов РТ.